

шолта

¹ Автор выражает признательность В. М. Сергееву за критические замечания и плодотворные дискуссии в ходе написания статьи.

Е. С. Чимирис РЕВОЛЮЦИЯ. ОПЫТ КОГНИТИВНОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ¹

Из Индии недавно приведен,
В сарае темном был поставлен слон,
Но тот, кто деньги сторожу платил,
В загон к слону в потемках заходил.
А в темноте, не видя ничего,
Руками люди шарили его.
Слонов здесь не бывало до сих пор.
И вот пошел средь любопытных спор.
Один, коснувшись хобота рукой:
«Слон сходен с водосточною трубой!»
Другой, пощупав ухо, молвил: «Врешь,
На опахало этот зверь похож!»
Потрогал третий ногу у слона,
Сказал: «Он вроде толстого бревна».
Четвертый, спину глядя: «Спор пустой —
Бревно, труба, он просто схож с тахтой».
Все представляли это существо
По-разному, не видевши его.
Их мнения — несуразны, неверны —
Неведением были рождены.
А были б с ними свечи — при свечах,
И разногласья б не было в речах.

Дж. Руми. Суфийская притча

Приступая к изучению любого социального явления, мы обычно начинаем с того, что пытаемся дать ему четкое и непротиворечивое определение, охватывающее максимально возможное количество качеств и характеристик. Очевидно, что к началу работы над таким определением мы должны обладать неким предпониманием (pre-understanding) соответствующего явления, ибо в противном случае мы просто не сможем назвать то, что хотим изучать. Но наличие подобного интуитивного предпонимания нередко означает, что об этом явлении уже говорили или писали, что кто-то уже пытался его определить. В этой ситуации неизбежно возникает искушение выбрать из имеющихся определений то, которое максимально отвечает нашим исследовательским целям, и обосновать свой выбор.

Более продуктивным нам представляется другой подход — синтезировать все существующие определения. Конечно, эта задача сопряжена с громадными трудностями, особенно если речь идет о таком явлении, как революция, которому посвящено бесчисленное множество работ². Тем не менее, не решив ее, мы не сможем приблизиться к пониманию данного феномена.

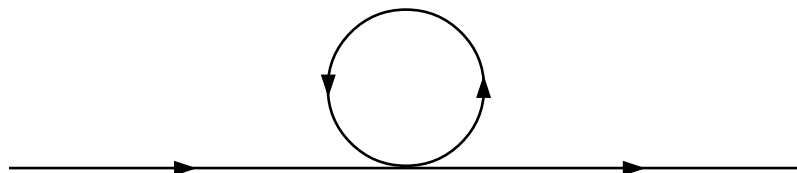
Попробуем разобраться, что такое революция как родовое понятие. Прежде всего это социальный процесс, причем процесс, происходящий внутри некоего государственного образования. Несмотря на возможное влияние внешних (международных) факторов, вне государства революции быть не может. Разумеется, социальные процессы внутри государства бывают не только революционными, но и эволюционными. Чтобы проследить различия между этими двумя типами процессов, целесообразно обратиться к этимологии соответствующих терминов. В переводе с латинского эволюция (evolutio) означает «развертывание», тогда как революция (revolutio) — «поворот», «переворот», то есть скачок, сопровождающийся кардинальными переменами в обществе. Вместе с тем важно отметить, что долгое время революция трактовалась как «вращение», «возвращение на исходный путь». Именно в таком значении термин употреблялся в трудах Фомы Аквинского, схоластов, алхимиков³. Более того, еще в XVII в. под революцией понимался «процесс прохождения через стадии цикла, который, в конечном счете, ведет назад к идентичному или подобному состоянию»⁴. Другими словами, если эволюция — это поступательное, «линейное» движение вперед, то революция представляет собой своеобразную «петлю» в развитии, которая проводит общественную систему через целый ряд потрясений (и нередко возвращает на то же место, откуда начиналось движение) (см. рис. 1).

² Библиография даже наиболее значимых из этих работ заняла бы не один десяток страниц, поэтому упомянем лишь некоторые обзоры предлагаемых в них подходов и концепций (см. Nagorain 1975; Гавлин, Казакова 1980; Завалько 2003).

³ См. Бляхер, Говорухин 2006: 62.

⁴ Социология 2003.

Рис. 1

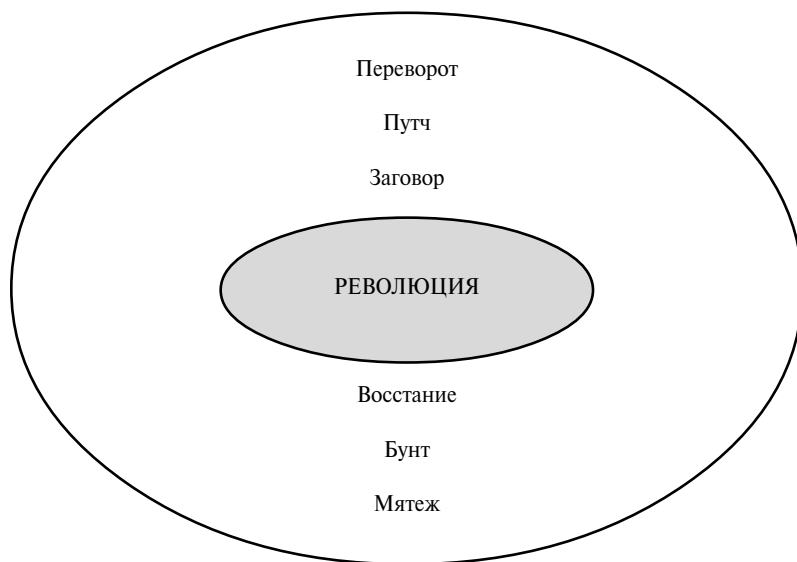

Итак, мы выяснили, что революция — это социальный процесс, который приводит к кардинальным и резким изменениям. Но у слова «революция» есть множество аналогов, таких как *переворот*, *заговор*, *путч*, *восстание*, *бунт*, *мятеж*, *кардинальные реформы*. Чаще всего мы не задумываемся, какой именно термин использовать, интуитивно делая более или менее правильный выбор. На наш взгляд, разгадка этого феномена кроется в первую очередь в самих терминах и их языковом употреблении. Ведь у каждого термина, вне зависимости от денотата, имеется своя собственная жизнь в рамках языка.

⁵ Лакофф 2004;
Лакофф, Джонсон
2004.

Любое слово и любой термин имеют естественные языковые границы применимости. Иначе говоря, за всяким словом и всяким термином стоят прототипические концепты⁵, которые помогают нам правильно (с точки зрения той языковой системы, в которой мы находимся) их применять. Выявление таких прототипических значений и позволяет нам установить границы применимости соответствующих понятий (то есть отделить случаи, которые ими охватываются, от тех, которые требуют иного именованя). Конечно, всегда бывают пограничные случаи, не поддающиеся однозначной интерпретации, однако это не отменяет наличия четких границ терминологии (см. *рис. 2*).

Рис. 2

Для того чтобы определить границы применимости терминов «революция», «заговор», «переворот», «путч», «восстание», «бунт», «мятеж», «кардинальные реформы», мы попытались выделить те глаголы (и типичные прилагательные), которые сочетаются с данными концептами в языке повседневности. К примеру, мы не можем сказать «готовится бунт», тогда как словосочетания «готовится заговор» или «готовится мятеж» воспринимаются нами как вполне естественные. Точно так же воспринимается и словосочетание «восстание было подавлено», однако ни один человек, владеющий русским языком, не скажет «подавлен переворот». Едва ли он употребит и выражения «стихийный мятеж» или «стихийный заговор», хотя словосочетания «стихийное восстание», «стихийный бунт» ни у кого не вызовут недоумения. По результатам анализа подобной сочетаемости нами была построена следующая матрица (см. *таб. 1*).

Таблица 1	Результат не важен		Процесс не может быть неудачным
	Элиты	Не элиты	
Стихийно	_____	Бунт Восстание	Революция
Предварительная подготовка	Переворот (путч) Заговор Реформы	Мятеж	

В основе данной матрицы лежат две переменные: первая указывает на «инициатора» процесса (элиты или не элиты), вторая — на его характер (стихийный или заранее подготовленный). Бесспорно, полностью стихийным подобный процесс, как правило, не бывает, и даже восстание или бунт обычно кем-то готовится, однако не нужно забывать, что мы говорим не о явлениях действительности, а о языковых концептах. И если при взгляде со стороны процесс нам кажется стихийным (при том, что на самом деле у него могут быть организаторы или провокаторы), мы подбираем соответствующий термин. Социальные процессы, инициированные элитами, в нашем восприятии не могут быть стихийными, они всегда представляются нам так или иначе упорядоченными. Поэтому ячейка на пересечении «элитности» и «стихийности» остается пустой.

Вторая ячейка содержит наименования процессов, которые инициируются элитами и заранее подготовлены. Во-первых, это понятие «переворот» («путч»⁶). Чаще всего *переворотом* мы называем события, связанные с насильственной сменой правящей элиты. Один из типичных примеров — дворцовые перевороты XVIII в. в Российской империи, в результате которых менялись лишь фигуры правителей при сохранении самой формы правления (абсолютная монархия). Понятие «заговор» фиксирует определенную стадию подготовки к перевороту (удавшемуся или неудавшемуся) и содержит в себе указание на секретность процесса. В отличие от двух предыдущих процессов, кардинальные реформы проводятся гласно и открыто. В данном случае мы имеем в виду преобразование, которые приводят к значительным изменениям в политической и/или социально-экономической жизни страны. Таковыми были, в частности, реформы Петра I⁷ или Александра II.

В следующих двух ячейках обозначены процессы, инициируемые массами, — это бунт, восстание и мятеж. Мы отнесли бунт и восстание к стихийным процессам, а мятеж — к заранее подготовленным, но такое деление в какой-то мере условно. Правильнее было бы расположить «восстание» на пересечении двух ячеек — оно менее стихийно, чем бунт (в определенных случаях мы можем сказать, что «восстание было подготовлено»), но более стихийно, чем мятеж. При этом между бунтом и восстанием нет четкой границы. Так, крестьянскую войну под руководством Е.Пугачева можно назвать и бунтом, и восстанием (в зависимос-

⁶ Путчем принято называть неудавшийся переворот.

⁷ По мнению некоторых исследователей, реформы Петра I носили настолько глубокий характер, что их точнее было бы называть революцией (см., напр. Sergeev 1996). Однако в научной литературе доминирует иная точка зрения.

ти от того, будем ли мы ее рассматривать как стихийный всплеск народного недовольства или как частично спланированную акцию харизматичного вожака).

Несмотря на значительные смысловые различия между рассмотренными выше терминами, у них есть одна общая черта — когда мы используем их для описания некоего социального процесса, нам важен не столько результат, сколько само протекание этого процесса. Совершенно иная ситуация с революцией. Мы определяем то или иное событие как революцию *post factum*, когда оно уже произошло и мы видим результат. Именно поэтому революция не может быть неудачной, в отличие от переворота, восстания или мятежа⁸. Возможно, именно поэтому события октября 1917 г. в России первоначально называли не революцией, а переворотом.

⁸ «Мятеж не может кончиться удачей — в противном случае его зовут иначе» (Дж. Харингтон).

Итак, посредством деконструкции языкового концепта мы установили естественные границы термина «революция». Однако этого совершенно недостаточно для постижения сути данного феномена. Случаи, охватываемые понятием «революция», настолько многообразны, что требуют некой внутренней классификации. Проблема заключается в том, что, несмотря на бесчисленное количество работ по этой теме, большинство существующих на данный момент типологий весьма поверхностны. Прежде всего это касается деления революций на обычные и «великие»⁹. К последнему типу, как правило, относят революции, похожие на Великую французскую, в первую очередь Октябрьскую революцию в России и революцию 1945—1949 гг. в Китае. Едва ли способно углубить наше понимание революций и деление их на политические, предполагающие изменения лишь в государственном устройстве, и социальные¹⁰, влекущие за собой глубокую перестройку общества и его классовых структур. Более продуктивной представляется классификация революций на базе таких критериев, как интенсивность и последовательность трансформации институтов и политической культуры (онтологии, ценностей и операциональных практик)¹¹. Тем не менее и она является далеко не полной.

⁹ *Kamenka 1970, 1972.*

¹⁰ *Skocpol 1976, 1979.*

¹¹ См. *Sergeyev 1996; Бирюков, Сергеев 2004.*

В настоящей статье мы попытались построить логическую схему, способную, на наш взгляд, наметить направления дальнейшей работы по классификации революций. Очевидно, что такая классификация не может отталкиваться от внешних проявлений социальных процессов, именуемых революциями, ибо в противном случае она даст не больше оснований для последующих рассуждений, чем, скажем, деление революций на происходящие в маленьких и в больших странах, на островах и на континенте, и т. п. Для построения логической классификации, позволяющей плодотворно развивать теорию, необходимо декомпозировать типичные ситуации по критериям, не относящимся напрямую к языку повседневности и обыденному сознанию.

Сразу же отметим, что в ходе декомпозиции социальных процессов, определяемых как революции, нам не удалось сконструировать единую схему, которая бы отражала все возможные варианты. Вместо

единой схемы мы получили набор логических матриц. Дело в том, что понятие революции настолько многогранно, что его можно описывать с точки зрения целого ряда категорий и факторов. В подобной ситуации нет ничего уникального: мы сталкиваемся с ней, например, в физике, когда не можем одновременно измерить некоторые существенные переменные в квантовой системе (принцип дополнительности)¹². Более того, такого рода множественность нельзя считать недостатком, поскольку многоаспектный взгляд на проблему позволяет классифицировать некоторые пограничные случаи (в частности, так называемые «цветные» революции на постсоветском пространстве).

Рассмотрим подробнее полученные нами варианты типологии.

Типология № 1. Источник (катализатор) революционных процессов.

Одним из общих мест при обсуждении революций является представление о том, что в основе революций всегда лежат массовое недовольство и мобилизация низов. Классическими примерами подобного подхода могут считаться классовая теория К.Маркса¹³ и ее интерпретация В.Лениным¹⁴. Аналогичным образом смотрят на проблему и многие исследователи социальных движений¹⁵. Вместе с тем ни для кого не секрет, что у истоков революций нередко стоят элиты¹⁶. Наконец, не следует забывать о внешнем влиянии (экономическом и/или идеологическом), которое в определенных ситуациях может внести существенный вклад в развитие революционной ситуации¹⁷.

На основании выделенных факторов нами была построена матрица, включающая четыре парных показателя (см. табл. 2).

Таблица 2		Сверху	Снизу
	Извне	Метрополия	Революционные группы
Изнутри	Государство	Народ	
	Контрэлиты		

Говоря о социальных изменениях, инициированных извне и сверху, мы обычно имеем в виду ситуацию, когда катализатором недовольства становятся действия иностранных элит. Чаще всего в истории подобные ситуации складывались в странах, находившихся в колониальной зависимости. Самые известные примеры — это так называемая война за независимость 1775—1783 гг., в ходе которой были созданы Соединенные Штаты Америки, и революция 1950-х годов в Алжире. Отличительная особенность данного типа революций заключается в том, что катализатором революционных процессов здесь становится усиление давления со стороны метрополии. Так, в Америке XVIII в. толчком к революции послужило установление демаркационных линий с индейскими поселениями, затруднявших освоение новых земель, а также жесткая таможенная и пошлинная политика.

Как бы неожиданно ни выглядело подобное сочетание, но революции могут инициироваться извне и снизу. Вспомним опыт Кубин-

¹² Бор 1961.

¹³ Маркс 1980.

¹⁴ Ленин 1980.

¹⁵ См. Здравомыслова 1993; Smelser 1962; Oberschall 1973; Zald, Ash 1973; Melucci 1985; Tarrow 1998.

¹⁶ Tilly 1978.

¹⁷ Olson 1963; Skocpol 1979.

ской революции и ту роль, которую сыграл в ней Э.Гевара. Мало того, возможность такого развития событий не исключена и сегодня. Правда, на смену профессиональным революционерам, приезжающим в страну, чтобы делать в ней революцию, в последние годы приходят профессиональные организаторы социального протеста, вооруженные методиками мобилизации населения, которые ездят по миру и проводят специальные тренинги и семинары.

Революции, инициированные изнутри и сверху, хотя и относятся к одному типу, могут существенно различаться по своему характеру. С одной стороны, у их истоков может стоять официальная власть, которая проводит реформы, резко и кардинально меняющие сами основы общественного бытия. Помимо упоминавшихся выше реформ Петра I и Александра II, к подобным реформам/революциям следует отнести реформы Ф.Рузвельта в США, М.Тэтчер в Великобритании и Ш. де Голля во Франции. С другой стороны, их могут проводить элиты, не включенные в систему государственной власти, но стремящиеся туда попасть. Следует отметить, что по своим результатам такие революции порою мало чем отличаются от обычного переворота (Синхайская революция 1911—1913 гг., Египетская революция 1952 г.).

Наконец, самый распространенный вариант, который нередко рассматривается как в наибольшей степени отвечающий природе данного социального процесса, — революция, возникающая вследствие мобилизации масс. К этому типу относятся и Английская, и Великая французская революции, и революции 1848—1849 гг. в ряде европейских стран, и многие другие. Но во всех случаях революционной инициативы масс в ее основе лежит делегитимация власти.

Существует довольно много объяснений делегитимации власти. Одни объясняют ее ущемлением базовых интересов людей, ведущим к «биологизации» их поведения¹⁸. Другие видят ее истоки в психологической неудовлетворенности, вызванной разрывом между ожиданиями и реальными возможностями (теория *относительной депривации*)¹⁹. Третьи связывают с рациональным выбором: когда человек недоволен положением дел в государстве, он либо занимает позицию стороннего наблюдателя (exit), либо активно выражает свое недовольство и пытается добиться изменений (voice)²⁰. Четвертые обуславливают когнитивным диссонансом, возникающим в ситуации, когда базовые ценностные установки индивидов перестают согласовываться с базовыми ценностными установками, поддерживаемыми политической системой²¹. Пятое — массовой маргинализацией (то есть изменением онтологии в результате изменения «картины мира» вследствие усложнения или упрощения окружающей среды)²².

Но даже если принять одно из перечисленных объяснений делегитимации политического режима, остается вопрос: в результате чего, под влиянием каких факторов происходят изменения в психологической сфере или когнитивных структурах индивидов? Очевидно, что эти факторы следует искать в окружающей действительности. Причины могут

¹⁸ Сорокин 2005.

¹⁹ Davies 1962, 1971; Feierabend, Feierabend, Gurr 1972; Gapp 2005.

²⁰ Hirschman 1970.

²¹ Schwartz 1971.

²² Коктыш 2002.

быть сугубо экономическими. Разумеется, мы не хотим сказать, что революции устраивают те, кому «нечего терять, кроме своих цепей»: люди, опустившиеся на самое дно, думают главным образом о выживании, тогда как революционная деятельность требует времени и усилий. Экономический фактор носит более комплексный характер.

Чаще всего психологическое недовольство возникает тогда, когда люди, чье положение отнюдь не является бедственным, ощущают, что могли бы получить больше, чем имеют сейчас. Такая ситуация вполне может сложиться в условиях общего подъема уровня жизни в стране. Известно, например, что во Франции в предреволюционный период благосостояние представителей третьего сословия неуклонно росло, однако их социальный статус никак не улучшался²³. Инициатива и желания людей из низших социальных слоев наталкивались на жесткие институциональные рамки Старого режима.

²³ Токвиль 1997;
Brinton 1965.

Более того, давно замечено, что относительная депривация и недовольство обычно возрастают именно на фоне экономического роста. Эта парадоксальная на первый взгляд ситуация объясняется тем, что экономический рост в стране бывает связан не только с количественным увеличением капиталов, но и с многочисленными качественными сдвигами — внедрением технических инноваций, повышением значимости одних отраслей производства и упадком других, изменением экономической географии страны и т. д. Все это не может не сказаться на повседневной жизни людей. Вне зависимости от того, приносит ли экономический рост увеличение благосостояния или наоборот, он влечет за собой нарушение стабильности. Масса людей оказывается вынуждена менять работу, место жительства, оставлять семью и т. п.²⁴ Разрыв прежних социальных связей ведет к маргинализации, которая, в свою очередь, создает благоприятную почву для роста революционных настроений²⁵.

²⁴ Olson 1963.

²⁵ Коктыш 2002.

Существенную роль в падении легитимности режима могут сыграть и внешние факторы, в частности тревожная международная обстановка и гонка вооружений. Усиление военной мощи соседних государств нередко стимулирует режим к ускоренной модернизации военной, научной и промышленной отраслей. Как правило, такая модернизация никак не затрагивает механизмы легитимации власти, которые все больше утрачивают свою эффективность, особенно в случае массовой мобилизации населения для «великой стройки»²⁶.

²⁶ Skocpol 1979.

Типология № 2. Вектор движения. Концепты модернизации и революции в политической науке обычно разведены по различным направлениям исследований или даже отраслям знания²⁷. Однако если мы внимательно посмотрим на обозначаемые этими терминами процессы, то обнаружим между ними некоторые логические связи. С одной стороны, революция может интерпретироваться как аномалия в развитии, то есть как неудачная модернизация²⁸. С другой — она может трактоваться как один из вариантов модернизации, предпосылки которого изначально

²⁷ Пиеворский
1999.

²⁸ Хантингтон
2004.

но заложены в структуре социальных центров и культурных кодов соответствующего общества²⁹.

²⁹ Эйзенштадт 1999.

В предлагаемой ниже типологии мы классифицировали революции в зависимости от начальной точки движения и его направленности. При построении матрицы мы исходили из возможности трех начальных и итоговых состояний общества: традиционного, транзитного и модернизированного³⁰ (см. табл. 3).

³⁰ Feierabend, Feierabend, Nesveld 1969.

Таблица 3	Революционный переход	К традиционному	К транзитному	К модернизированному
	От традиционного	_____		
	От транзитного		_____	
	От модернизированного			_____

Рассмотрим каждый элемент типологии в отдельности. Примеров перехода от традиционного общества к транзитному достаточно много. Это и Синьхайская революция 1911—1913 гг. в Китае, и Октябрьская революция 1917 г. в России, и революция 1972 г. в Ираке. Основная причина «зависания» общества в состоянии транзита заключается в том, что модернизацию пытаются провести максимально быстро, без учета реального развития политической культуры страны. В результате новые институты начинают существовать отдельно от общества, и формируются «серые зоны» полузаконности³¹.

³¹ Sergeyev 1996.

Революции, означающие переход от традиционного состояния к состоянию модерна (Нидерландская революция XVI в., Славная революция 1688—1689 гг. в Великобритании, революция 1809 г. в Швеции и др.), наиболее благоприятны для общества (в том числе и потому, что, как правило, предполагают минимум насилия). Подобного рода социальные процессы можно было бы даже назвать эволюцией, если бы не характер обусловленных ими изменений. Эти изменения являются именно революционными. Особенность данного типа революций в том, что институциональные нововведения здесь следуют за развитием политической культуры³².

³² Сергеев 1999.

Революционный переход от транзитного состояния к традиционному чаще всего связан с восстановлением традиционных систем легитимации власти. Классический пример подобного перехода — Иранская революция 1978—1979 гг., в результате которой в стране был установлен режим, полностью основанный на исламе. В свою очередь, революцию в Индии, освободившую страну от колониальной зависимости, можно (хотя и с оговорками) считать примером движения от транзитного состояния к модерну.

Наконец, к революциям, знаменующим собой переход от модернизированного состояния к транзитному или традиционному, можно отнести победу фашистов в Италии и национал-социалистов в Германии. Хотя с точки зрения экономического развития обе эти страны остались в рамках модерна, механизмы легитимации власти в фашист-

ской Италии носили скорее транзитный характер, а в нацистской Германии — традиционный.

Типология № 3. Революционная идеология. Идеология, которая

³³ Lasky 1976.

освещает путь переменам в обществе, всегда рассматривалась как один из важнейших компонентов революции³³. Однако, как правило, внимание исследователей привлекают главным образом социалистические и коммунистические идеологии. Между тем вполне очевидно, что революционные идеологии бывают не только социалистическими или коммунистическими. Более того, они далеко не обязательно должны быть и инновационными. Известно немало случаев, когда революции осуществлялись под знаком идеологий, от которых общество по тем или иным причинам временно отошло (так, например, после падения фашистского режима Италия вернулась к либеральной идеологии).

Проанализировав возможные варианты идеологий, которые могут лежать в основе революционных действий, мы составили следующую матрицу (см. табл. 4).

Таблица 4	Секу- лярная	Религи- озная	Национализм	
			этнический	гражданский
Традиционная идеология				
Инновационная идеология				

Примеров революций, основанных на уже ставших традиционными секулярных идеологиях, в истории немало. Достаточно вспомнить европейские революции 1848—1849 гг. или, скажем, Венгерскую революцию 1956 г. (она не смогла изменить режим, но создала предпосылки для важных изменений). К инновационным секулярным идеологиям можно отнести зарождавшуюся демократическую традицию в период Английской или Великой французской революции³⁴, а также упоминавшиеся выше социалистические и коммунистические идеологии.

³⁴ Даусон 2002.

Казалось бы, секулярные инновационные идеологии в наибольшей степени соответствуют «духу» революции. В известной степени это действительно так — не случайно именно на них строились все «великие революции». Тем не менее ситуация намного сложнее, чем может показаться на первый взгляд. Об этом наглядно свидетельствует опыт не только социалистических революций в России и Китае, но и Великой французской революции.

Многие отмечают, что эта революция сопровождалась не просто зарождением новой идеологии, носителями которой были главным образом интеллектуалы, но и сломом глубинных народных традиций и верований. При этом поведение мобилизованных масс отличалось крайней жестокостью, доходящей до садизма³⁵. Народ расправлялся не только с предметами божественного культа, которым еще вчера поклонялся, но и с самими священнослужителями.

³⁵ Местр 1997.

Типичным явлением периода Французской революции был праздник. И речь здесь идет не только о вновь изобретенных формальных

праздниках, например, в честь Федерации или Верховного Существа. Праздник был практически каждый день, вся жизнь напоминала праздник, в него превращались даже такие события, как смерть или казнь революционных деятелей. Но что особенно важно, этот праздник всегда включал в себя карнавальные элементы. Люди устраивали пиршества в церквях, высмеивали аристократов, духовенство, короля, издевались над теми вещами, которые всегда считались священными и неприкосновенными³⁶. Рассматривая революционные праздники исключительно как установления новой власти, мы никогда не сможем постичь суть этого феномена, тем более что в обрядовом и церемониальном отношении большинство таких праздников не просто напоминало, а напрямую копировало праздники религиозные. Ключ к пониманию феномена революционного праздника следует, скорее всего, искать в этнографических и антропологических исследованиях.

³⁶ Озуф 2003.

Праздники карнавального типа, в отличие от официальных, строились на опрокидывании ценностей и смыслов. Карнавал был не просто способом организации досуга, но выполнял более глубокую социальную и символическую функцию. Он означал отмену всех норм, правил и законов³⁷. В карнавальном действии не было зрителей, в нем участвовали все, вне зависимости от социального или экономического положения, карнавал аннулировал все иерархии³⁸. Однако праздник заканчивался, и все возвращалось на круги своя. Что же произошло во время Великой французской (а также русской и китайской) революции? Традиционные устои, которые были не столько разрушены, сколько отменены на период революции, как на период карнавала, с ее окончанием так и не были восстановлены. На место старой традиции претендовала уже новая секулярная идеология. Но она не могла сразу заполнить все лакуны, которые образовались в массовом сознании в результате распада складывавшейся веками системы представлений. Отсюда — постоянное возрождение традиционных схем, но с новым наполнением в виде утопических идеологий и культа личности.

³⁷ Батай 2006.

³⁸ Бахтин 1990.

Классическим примером революции на основе традиционной религиозной идеологии является уже упоминавшаяся Иранская революция 1978—1979 гг. Сложнее обстоит дело с революциями, вдохновленными инновационными религиозными идеологиями. Пожалуй, единственной революцией, на ход которой в полной мере повлияла подобная идеология, была Нидерландская революция XVI в. Вместе с тем необходимо отметить, что инновационные религиозные идеологии, сформировавшиеся в Европе в эпоху Реформации, вызвали к жизни социальные процессы, имевшие воистину революционные последствия. В странах, где в качестве официальной религии утвердились различные версии протестантизма, произошли глубокие социальные и экономические изменения, суть которых раскрыта в работе М.Вебера о «духе капитализма»³⁹.

³⁹ Вебер 2006.

Традиционные национальные идеологии, которые используются в революционных преобразованиях, чаще всего связаны с актуализацией

в массовом сознании некогда присутствовавших в нем националистических установок, как правило, в их этническом варианте. Именно это произошло, в частности, в бывших республиках Югославии сразу после ее распада. Важно отметить, что рост национализма в Сербии и Хорватии был отнюдь не спонтанным. Он стал следствием продуманной и спланированной политики, направленной на мобилизацию населения на основании этничности.

Конечно, здесь неизбежно возникает вопрос: а были ли события в этих странах революциями, ведь в Сербии у власти осталась старая коммунистическая элита, воспитанная еще при И.Б.Тито, а в той же Хорватии приход к власти националистов почти не сказался на социально-экономической сфере? На наш взгляд, безусловно, были, поскольку распад Югославии привел к кардинальным сдвигам в сознании людей. Практически в одночасье им пришлось пересмотреть свою идентичность и из югославов превратиться в сербов, хорватов, боснийцев, македонцев, словенцев, черногорцев и т. п. В результате этих перемен резко изменилась система легитимации власти. Если Тито был «отцом» всей югославской нации, то Милошевич стал «отцом» только для сербов.

Что касается инновационной национальной идеологии, то здесь прежде всего следует упомянуть Францию и США, где революция дала толчок формированию гражданской нации. Инновационный характер носила и националистическая идеология этнического толка, способствовавшая мобилизации масс во время Турецкой революции 1918—1923 гг. и национал-социалистической революции в Германии⁴⁰.

⁴⁰ См. Brogan 1951; Kohn 1970, 1977.

Завершая анализ революционных идеологий, целесообразно затронуть еще одну тему, которая, не имея прямого отношения к рассматриваемой типологии, тем не менее тесно с ней связана. Следствием революции может быть не только смена режима или формы правления и социально-экономические изменения, но и распад общества. Такой распад не обязательно предполагает прямую территориальную дезинтеграцию — государство может остаться единым, но утратить обеспечивающие это единство механизмы. Современная политическая практика знает немало примеров «разделенных обществ» — это Ирландия и Испания с их нерешенными проблемами терроризма, Ливан, где так до сих пор не сложилась единая система управления, и более сложные и не столь очевидные случаи Украины и Сербии.

Анализ разделенных обществ как таковых выходит за рамки настоящего исследования. Однако нельзя не указать на громадные сложности, в том числе и методологические, которые возникают при анализе революционных процессов в подобных обществах. Один из наиболее актуальных на сегодняшний день примеров — это «цветные революции» на Украине и в Сербии. На наш взгляд, специфика этих революций во многом определялась именно разделенностью соответствующих обществ. А это означает, что при их изучении первостепенное внимание должно уделяться не «тлетворному» влиянию Запада и не борьбе

России за сохранение/расширение пространства своего геополитического влияния, а иным теоретическим сюжетам.

Типология № 4. Применение насилия. Тему насилия затрагивают практически все исследователи революций. Более того, многие связывают революции именно с насилием, причем насилием массовым, как со стороны населения, так и со стороны государства⁴¹. Однако, рассматривая различные случаи революций, мы пришли к выводу, что насилие не является их обязательным атрибутом. Кроме того, немаловажное значение имеет тот факт, от кого это насилие исходит. Соответственно, нами была построена матрица, включающая четыре парных критерия: наличие / отсутствие массового насилия; революция сверху / снизу. При разработке данной классификации мы опирались на когнитивную типологию революций⁴², несколько расширив ее.

⁴¹ Eckstein 1965; Tilly 2003.

⁴² Sergeev 1996.

Таблица 5	<i>Террор</i>	<i>Минимум применение насилия</i>
<i>Сверху</i>	«черная»	«белая»
<i>Снизу</i>	«красная»	«розовая»

Начнем рассмотрение с революций, сопровождающихся массовым и повсеместным насилием. Мы назвали такие революции «красными». «Красными» были все «великие революции», а также некоторые революции в Африке и Латинской Америке. Особенность данного типа революций заключается не просто в насилии снизу, но и в восприятии этого насилия как легитимного. Если раньше использование насилия было прерогативой государства, то теперь оно допустимо для всех. Обращение к нему легитимирует идеология революции: все, что совершается во имя революции, — не преступление.

Когда мы ведем речь о насилии сверху, то чаще всего имеем в виду государственный террор («черные» революции). Принципиальное отличие «черных» революций от «красных» состоит в том, что при таком развитии событий легитимно применять насилие может только власть. Вместе с тем и в этом случае насилие обычно оправдывается некими «высокими» целями (построение «светлого будущего», «рая на земле» и т. п.). Важно подчеркнуть, что подобного рода революции обычно происходят в обществах, где легитимация власти основывается на восстановленных традиционных схемах, заполненных новыми утопическими идеалами. Именно поэтому они не сопровождаются массовыми протестами против неоправданно больших, с точки зрения здравого смысла, человеческих жертв. В то же время «черные» революции накладывают очень сильный отпечаток на дальнейшее развитие общества, и нанесенные ими раны приходится залечивать многим поколениям.

Революции, инициируемые сверху и проходящие без особых всплесков насилия, в нашей типологии определены как «белые». Такие революции по сути дела сводятся к кардинальным реформам, направленным на ускоренную модернизацию страны, при сохранении тради-

ционного типа легитимации. Несомненно, определенная доля «структурного насилия» в этих революциях тоже присутствует. Однако оно не перерастает в открытое применение силы и не связано с многочисленными жертвами.

Наиболее интересный случай представляют «розовые» революции, происходящие снизу, но с минимальным применением насилия. Мы уже упоминали о таких революциях при обсуждении вопроса о соотношении между революцией и модернизацией. Дополнительно стоит лишь отметить, что они становятся возможными благодаря постепенной трансформации ценностных и поведенческих установок населения, предшествующей административным и институциональным реформам. Подобно тому, как умные городские власти оставляют у вновь построенных домов сплошной газон и, прежде чем выкладывать специальные дорожки, дают людям протоптать на этом газоне удобные для них тропинки, властные структуры в этих революциях не препятствуют формированию новых практик и ценностей. Их фильтрация осуществляется на уровне гражданских организаций.

* * *

Представленная в настоящей работе система типологий отнюдь не претендует на полноту и всеохватность. Ее задача скорее в том, чтобы продемонстрировать необходимость создания подобного рода классификации и наметить возможные направления дальнейших размышлений на эту тему. Понятие «революция» действительно относится к числу тех, которые сложно уложить в одну схему. При его анализе приходится учитывать множество факторов, значимость которых варьирует. В одних революциях на первый план выходят экономические факторы, в других — идеологические, в третьих — религиозные и т. п. Разумеется, это не означает, что все прочие факторы перестают действовать. Просто в каждом конкретном случае некоторые факторы оказываются намного важнее других, что и позволяет провести типологизацию революций. Если бы все революции проходили по единому образцу, отпала бы и потребность в построении типологий.

Несмотря на то что в последние десятилетия мы не сталкивались с революционными преобразованиями, сравнимыми по силе и масштабу с «великими революциями», говорить о завершении «века революций» нет оснований. Революции — один из естественных и, по-видимому, неизбежных вариантов общественного развития. Будучи подобны болезням организма⁴³, они, вероятнее всего, будут существовать до тех пор, пока существуют общества.

Подводя итог, хотим отметить, что, на наш взгляд, феномен революции едва ли когда-нибудь будет полностью изучен. С одной стороны, политическая практика дает все новые примеры революционных процессов, которые не укладываются в привычные схемы, с другой — имеется огромное поле для пересмотра сложившихся теорий и подходов к революциям.

⁴³ *Edwards 1970.*

Библиография

- Батай Ж.** 2006. *Проклятая часть: сакральная социология.* — М.
- Бахтин М.М.** 1990. *Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса.* — М.
- Бирюков Н.И., Сергеев В.М.** 2004. *Становление институтов представительной власти в современной России.* — М.
- Бляхер Л.Е., Говорухин Г.Э.** 2006. Революция как «блуждающая» метафора: семантика и прагматика революционного карнавала // *Полис.* № 5.
- Бор Н.** 1961. *Атомная физика и человеческое познание.* — М.
- Вебер М.** 2006. *Избранное: Протестантская этика и дух капитализма.* — М.
- Гавлин М.Л., Казакова Л.А.** 1980. *Современные буржуазные теории социальной революции.* — М.
- Гарр Т.** 2005. *Почему люди бунтуют.* — СПб.
- Доусон К.Г.** 2002. *Боги революции.* — СПб.
- Завалько Г.А.** 2003. *Понятие «революция» в философии и общественных науках: проблемы, идеи, концепции.* — М.
- Здравомыслова Е.А.** 1993. *Парадигмы западной социологии общественных движений.* — СПб.
- Коктыш К.Е.** 2002. Закономерности и динамика развития социальных онтологий интерпретации // *Полис.* № 3.
- Лакофф Дж.** 2004. *Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении.* — М.
- Лакофф Дж., Джонсон М.** 2004. *Метафоры, которыми мы живем.* — М.
- Ленин В.И.** 1980. *Государство и революция.* — М.
- Маркс К.** 1980. *Манифест Коммунистической партии.* — М.
- Местр Ж. де.** 1997. *Рассуждения о Франции.* — М.
- Озуф М.** 2003. *Революционный праздник: 1789—1799.* — М.
- Пшеворский А.** 1999. *Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке.* — М.
- Сергеев В.М.** 1999. *Демократия как переговорный процесс.* — М.
- Сорокин П.** 2005. *Социология революции.* — М.
- Социология: Энциклопедия.** 2003. — М.
- Токвиль А.** 1997. *Старый порядок и революция.* — М.
- Хантингтон С.** 2004. *Политический порядок в меняющихся обществах.* — М.
- Эйзенштадт Ш.** 1999. *Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций.* — М.
- Brinton G.** 1965. *The Anatomy of Revolution.* — N.Y.
- Brogan D.W.** 1951. *The Price of Revolution.* — L.
- Davies C.J.** 1962. *Toward a Theory of Revolution* // *American Sociological Review.* Vol. 6. № 1.
- Davies C.J. (ed.)** 1971. *When Men Revolt and Why. A Reader in Political Violence and Revolution.* — N.Y.

- Edwards** L.P. 1970. *The Natural History of Revolution*. — Chicago.
- Eisenstadt** S. N. 1987. *European Civilization in a Comparative Perspective. A Study in the Relations between Culture and Social Structure*. — Oslo.
- Feierabend** I., Feierabend R., Nesveld B. 1969. Social Change and Political Violence: Cross-National Patterns // Graham H.D., Gurr T.R. (eds.) *Violence in America. Vol. II*. — Washington.
- Feierabend** K., Feierabend R.L., Gurr T.R. 1972. *Anger, Violence, and Politics*. — Englewood Cliffs.
- Hagopain** M.N. 1975. *The Phenomenon of Revolution*. — N.Y.
- Hirschman** A. 1970. *Exit, Voice and Loyalty*. — Cambridge.
- Kamenka** E. 1970. The Concept of a Political Revolution // Kamenka E. (ed.) *A World in Revolution?* — Canberra.
- Kamenka** E. 1972. *Paradigm for Revolution? The Paris Commune, 1871—1971*. — Canberra.
- Kohn** H.L. (ed.) 1970. *Nationalism in Asia and Africa*. — L.
- Kohn** H. 1977. *The Idea of Nationalism*. — N.Y.
- Lasky** M. J. 1976. *Utopia and Revolution*. — Chicago, L.
- Melucci** A. 1985. The Symbolic Challenge of Contemporary Movements // *Social Research*. Vol. 52. № 4.
- Oberschall** A. 1973. *Social Conflict and Social Movements*. — Englewood Cliffs.
- Olson** M., Jr. 1963. Rapid Growth as a Destabilizing Force // *Journal of Economic History*. Vol. 23. № 4.
- Schwartz** C.D. 1971. A Theory of Revolutionary Behavior // Davies C.J. (ed.) *When Men Revolt and Why. A Reader in Political Violence and Revolution*. — N.Y.
- Sergeyev** V.M. 1996. *The Wild East. The Roots of Crime in Post-Communist Russia*. — M.
- Skocpol** T. 1976. Explaining Revolutions: In Quest of a Social-Structural Approach // Cosre L.A., Larsen O.N. (eds.) *The Uses of Controversy in Sociology*. — N.Y.
- Skocpol** T. 1979. *States and Social Revolutions*. — Cambridge.
- Smelser** N.J. 1962. *Theory of Collective Behavior*. — N.Y.
- Tarrow** S. 1998. *Power in Movement: Social Movements and Contemporary Politics*. — Cambridge.
- Tilly** Ch. 1978. *From Mobilization to Revolution*. — Reading, MA.
- Tilly** Ch. 2003. *The Politics of Collective Violence*. — Cambridge.
- Zald** N.M., Ash R. 1973. Social Movement Organizations: Growth, Decay and Change // Evans R.R. (ed.) *Social Movements: A Reader and Source Book*. — Chicago.